

«РУССКИЙ БОДЛЕР»: СУДЬБА ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ШАРЛЯ БОДЛЕРА В РОССИИ

Вл. А. Луков, В. П. Трыков

Московский педагогический государственный университет,
Московский гуманитарный университет,
Отделение гуманитарных наук РС МАН

«Russian Baudelaire»: The Destiny of Charles Baudelaire's Heritage in Russia

Vl. A. Lukov, V. P. Trykov

Moscow State Pedagogical University,
Moscow University for the Humanities,
Department of the Humanities of the RS IAS, Moscow

В статье с позиций тезаурусного подхода рассмотрена судьба творческого наследия великого французского поэта Шарля Бодлера (1821—1867) в России, показано, как складывался культурный феномен «Русского Бодлера».

In the article the destiny of Charles Baudelaire's — a great French poet (1821—1867) — creative heritage in Russia is considered from the perspective of the thesaurus approach. It is shown how the cultural phenomenon of «Russian Baudelaire» was developing.

Первые переводы стихотворений Ш. Бодлера на русский язык появились в начале 1860-х годов, несмотря на то, что публикация «Цветов зла» в России была запрещена цензурным комитетом в 1859 г. «Я полагаю, — писал цензор в своем отзыве о «Цветах зла», — что разбираемые стихотворения, как безнравственные, подлежат запрещению для публики» [1]. Та же участь постигла впоследствии и «Дополнения к «Цветам зла», и сборник «Обломки», запрещенные царской цензурой соответственно в 1881 г. и 1883 г. по тем же соображениям.

Цензурный запрет на публикацию сборника «Цветы зла» был снят лишь в 1906 г., хотя и в дальнейшем были попытки исключить некоторые «кошунственные» стихотворения из сборника (напр., стихотворения «Крышка», «Отречение св. Петра», «Акафист сатане»; отметим, что во Франции «Цветы зла» были официально реабилитированы лишь в 1946 г.). Цензор мотивировал возможность публикации «Цветов зла», во-первых, тем, что современная публика, в отличие от читателей второй половины XIX века, уже привыкла к «ультрареалистическим изображениям жизни», во-вторых, немногочисленностью любителей поэзии, и, в-третьих, тем, что русское издание снабжено статьей Т. Готье, комментариями, в которых Бодлер предстает не апологетом безнравственности, а бичевателем пороков и грязи.

Первыми переводчиками бодлеровских стихотворений на русский язык были В. Лихачов, Н. Курочкин, Д. Минаев. Первый сборник переводов из Бодлера, изданный в 1895 г., включал пятьдесят три

стихотворения, переведенных П. Якубовичем. Огромную роль в популяризации французского поэта в России сыграли символисты и декаденты (Эллис, В. Брюсов, Вяч. Иванов, И. Анненский, Д. Мережковский, К. Бальмонт и др.), переведшие Бодлера, писавшие предисловия к его русским изданиям. Бодлера на русский язык переводили также М. Цветаева, Л. Коган, С. Парнок, М. Волков, П. Антокольский, В. Левик, М. Донской, В. Миклушевич, М. Яснов и др.

Бодлер не пользовался в России конца XIX века такой известностью, как, например, некоторые французские романисты (особенно Золя и Мопассан). Как отмечал французский исследователь Эмиль Оман, французская поэзия в это время интересовала в России только элиту и литературных критиков, «которые застряли на Леконте де Лилле». И далее Оман осторожно замечает, что «есть в России те, кто знает Бодлера и Верлена, и даже их ученики» [2].

Настоящий культ Бодлера сложился у русских декадентов и символистов. Однако отношение к Бодлеру в российской литературной среде было неоднозначным. Так, в письме к С. А. Толстой 15 ноября 1892 г. Л. Н. Толстой писал: «...Baudelaire получил. Не стоило того. Это только, чтобы иметь понятие о степени разращения fin de siècle'a» [3]. В трактате «Что такое искусство?» (1898) Л. Н. Толстой, критикуя декадентов, избирает Бодлера одной из главных мишеней.

Удивительно совпадает с Толстым в оценке декадентства и удивительно расходится с ним в характеристике Бодлера молодой М. Горький, чья статья «Полю Верлен и декаденты» вышла раньше трактата

Толстого, в 1896 г.: «Он, этот Бодлер, «жил во зле, добро любя», и, наконец, погиб, оставив Франции свои мрачные, ядовитые, звучащие холодным отчаянием стихи, за которые при жизни его называли безумным, а по смерти назвали поэтом и позабыли, слушая Коппе и Ришпена, истых сынов своего общества, «парнасца» Эредиа, ничего не говорящего сердцу, и вспоминая о Банвиле и Леконт де Лиле, которые писали так красиво, что их стихи больше похожи на мраморные кружева мавританских дворцов, чем на живую рифмованную речь» [4].

Странно: один и тот же поэтический материал так по-разному оценивается. Может быть, разными поколениями? Но И. С. Тургенев, который был старше Л. Н. Толстого на десять лет, видимо, признавал Бодлера, что отразилось в его письмах. В то же время, с точки зрения некоторых критиков конца XIX века, например, И. И. Иванова, молодой А. П. Чехов в рассказе «Бабье царство» (1894) вывел пародийный образ Лысевича, который выражается почти словами Бодлера.

Критично отзывался о Бодлере и А. В. Луначарский (в статье «Бодлер», написанной для 1-го тома Литературной энциклопедии, М., 1930). После революции 1917 г. и до 1965 г. Бодлер в нашей стране почти не издавался. Его декадентские настроения были неактуальны. Небольшая подборка стихотворений Бодлера была опубликована в 1930 г. в сборнике «Революционная поэзия Запада 19 в.» и в 1957 г. журнале «Иностранная литература». В 1965 г. вышел небольшой сборник его лирики. Бодлер, по существу, не был доступен широкому читателю.

В этот период к творчеству французского поэта обращались (да и то нечасто) специалисты-литературоведы. В 1956 г. раздел о Бодлере, написанный Н. И. Балашовым, был включен в четырехтомную академическую «Историю французской литературы», что само по себе было событием знаковым, свидетельствующим о признании советским литературоведением высокого статуса Бодлера во французской поэзии [5]. Автор статьи делит творчество Бодлера на три периода: первый продлился до начала 1850-х годов, второй начался после государственного переворота Луи Бонапарта, провозгласившего себя императором Наполеоном III в 1851 г., и третий — с конца 1850-х годов до смерти поэта. Ранний Бодлер представлен сторонником «правдивого, неприкрашенного изображения современности», критиком парнасцев и теории «чистого искусства». Из стихотворений этого периода, впоследствии включенных в «Цветы зла», Н. И. Балашов выделяет те, в которых громко звучала социальная тема, возникал образ Парижа угнетенных («Вечерние сумерки», «Пирушка тряпичников»). В целом, Бодлер был истолкован Н. И. Балашовым как «реалист» в том значении этого слова, которое было принято в ту эпоху в советском литературоведении, — неприми-

мый критик буржуазного общества, чье творчество проникнуто «сочувствием к трудящимся, к угнетенным, к простому человеку». Эстетские, символистские и декадентские элементы в творчестве Бодлера не то чтобы игнорировались, но затушевывались и оценивались негативно как проявления временного (связанного со вторым периодом) творческого упадка поэта.

После публикации раздела о Бодлере в «Истории французской литературы» пройдет четырнадцать лет, прежде чем «Цветы зла» будут изданы в 1970 г. издательством «Наука» в престижной серии «Литературные памятники» [6]. Это было первое научное издание Бодлера в нашей стране. Издание подготовили Н. И. Балашов и И. С. Поступальский. В традициях серии издание было снабжено солидным научным аппаратом: обстоятельной статьей, примечаниями и дополнениями. Важность и новизна этого издания определяется и тем обстоятельством, что это — первый перевод «Цветов зла» на русский язык не по третьему французскому изданию 1868 г., изданному Ш. Асселино и Т. де Банвилем уже после смерти Бодлера (первые два издания вышли при жизни Бодлера в 1857 и 1861 г.), а по реконструированному Н. И. Балашовым проекту третьего издания, подготовленному Бодлером (бодлеровский экземпляр третьего издания пока не найден). В этом отношении издание беспрецедентно, аналогичного нет и на родине поэта.

В статье «От редакции» Бодлер был назван «классиком литературы Франции» второй половины — конца XIX века. Открывавшая обширный раздел приложений статья «Легенда и правда о Бодлере» принадлежала перу Н. И. Балашова. Это развернутая версия его статьи в «Истории французской литературы». Ученый пытался развеять, с его точки зрения, широко распространенный на рубеже XIX—XX веков миф о Бодлере как «роковом поэте зла». Однако развенчивая одну легенду, Н. И. Балашов создавал другую: о Бодлере-революционере, политическом поэте, инсургенте. Читателю сообщалось, что Бодлер был в оппозиции к режиму Второй империи и мечтал написать памфлет против Наполеона III, что в «Книге о Бельгии» поэт выступил против бездушной, индустриальной цивилизации, резко критиковал мещанскую Бельгию и лишённые героического и поэтического начала США, приводился тот факт, что первыми переводчиками французского поэта в России были революционные поэты Д. Минаев, Н. Курочкин. Конечно, Н. И. Балашов не замалчивал присутствие декадентских мотивов в бодлеровской поэзии, говорил о крайнем пессимизме поэта, о нарастании пессимистических мотивов в бодлеровской поэзии конца 1850-х годов. Главная причина бодлеровского пессимизма, по Н. И. Балашову, — государственный переворот Луи Бонапарта. Между тем, заметим, что переворот вызвал возмущение и неприятие режима

Второй империи и у Гюго, Флобера, Гонкура, однако ничего подобного бодлеровскому пессимизму, «преддекадансу» и сатанизму в их творчестве не наблюдается.

Сейчас некоторые положения и акценты рассматриваемой работы представляются спорными, тем не менее издание, подготовленное выдающимся литературоведом, стало центральным событием в освоении наследия Бодлера русским культурным тезаурусом, а то, что воспринимается как дань времени, уступка идеологии и т. д., на самом деле было наиболее доступным путем этого освоения. Так, например, Н. И. Балашов лишь вскользь упоминал такие программные стихотворения Бодлера, как «Красота» и «Соответствия», характеризуя их как «холодные» и «лишенные драматизма», зато стихотворение «Авель и Каин» цитируется в статье четырежды как образец бунтарской, «революционной» лирики Бодлера. Тезаурусный подход объясняет этот факт складом как индивидуального, так и коллективного тезауруса того времени. То, что сейчас выглядит странным, в ту эпоху было наиболее приемлемым (впрочем, как и наоборот).

Стремление «обезопасить» Бодлера, «реабилитировать» его в глазах советского читателя, найти у французского поэта реалистические черты — все это приметы эпохи, черты, характерные для литературоведческих работ 1960—70-х годов. Так, в глубоком и содержательном разделе о Бодлере в монографии Д. Д. Обломиевского «Французский символизм» (1973) Бодлер рассматривается, с одной стороны, как зачинатель символизма, а с другой — как поэт, который «стоит между реализмом и модернизмом» [7]. Показательна эта постоянная оглядка на «реализм». Как и Н. И. Балашов, Д. Д. Обломиевский видел в «Цветях зла» художественную реакцию на февральскую революцию 1848 г. Причем исследователь констатирует непосредственное воздействие революционных событий на строй бодлеровской образности. Мотивы казни, ссылки, преследования, образы тюрьмы, виселицы, тема смерти в стихотворениях сборника — все это, по мысли Д. Д. Обломиевского, навеяно революцией 1848 г. Более того, все положительные, с точки зрения ученого, моменты и характеристики бодлеровского творчества (гуманизм, богоборчество, сочувствие к обездоленным) трактуются как результат революции, а отрицательные (пессимизм, «религиозное перерождение», декаданс) как следствие ее поражения. Сейчас это представляется слишком прямолинейным утверждением (впрочем, никто в новейшей науке не доказал обратное). Безусловная заслуга Д. Д. Обломиевского — предпринятый им обстоятельный анализ некоторых важных аспектов художественного мира Бодлера. Основная проблема, интересующая ученого, — вопрос о соотношении «образа мира» и «образа героя» в художественном пространстве бодлеровского сборника «Цветы зла». Внимание к структуре бодлеровского

образа-символа, выявление его двуплановости и тщательный анализ каждого из двух планов (внешнего и внутреннего), их соотношения, а также соотношения в структуре образа объективного (предметного, вещного) и субъективного (фантазийного, онирического, т. е. связанного со сном, мемуарного) элементов — все это очевидные достоинства книги Д. Д. Обломиевского, начавшего в отечественном литературоведении серьезный разговор о бодлеровской поэтике.

Работами «первопроходцев» советского литературоведения в отечественной бодлериане Н. И. Балашова и Д. Д. Обломиевского было подготовлено появление первой в нашей стране монографии о французском поэте, принадлежащей перу М. Л. Нольмана, — «Шарль Бодлер. Судьба. Эстетика. Стиль» (1979). М. Л. Нольман во многом шел по стопам своих предшественников: он так же, как они, подчеркивал антибуржуазность Бодлера, понимаемую как протест художника против утилитаризма, пошлости, механической и бездушной современной машинной цивилизации. Как и Н. И. Балашов, М. Л. Нольман довольно подробно останавливался на политических взглядах Бодлера, рассказывал об участии писателя в событиях февральской революции 1848 г. М. Л. Нольман более прямо, чем предшественники, называл Бодлера реалистом, при этом вывод(и это в большей мере относилось к филологии) реализм Бодлера не только из круга тем и мотивов «Цветов зла», социальной заостренности многих стихотворений сборника, но из некоторых особенностей его поэтики: «Полифония идей и образов, языка и стиха Бодлера с преобладающей познавательно-аналитической тенденцией оправдывает применение к нему характеристики «динамический реализм», «реализм в становлении»...». Бодлер, в трактовке М. Л. Нольмана, не декадент. Главное у Бодлера — «страсть и отчаяние бунтаря, горечь и величие страданий, беспощадная пронизательность анализа» [8].

Доперестроечные 80-е годы XX столетия не породили новых значительных работ о Бодлере в отечественном литературоведении. Не появилось в эти годы и новых изданий Бодлера. Хотя разделы о Бодлере стали непременной частью вузовских учебников и учебных пособий, но все равно известная настороженность к «проклятому поэту» со стороны советского литературоведения сохранялась.

Ситуация резко изменилась на рубеже XX—XXI веков, который стал временем бодлеровского бума в нашей стране. С начала 1990-х годов Бодлера много издают в России: в разных издательствах и весьма приличными тиражами выходит более десятка изданий его произведений [9]. Отметим, что среди них — издания, адресованные массовому читателю, как, например, «Цветы зла» в дешевой и популярной серии «Азбука-Классика» или в серии «Домашняя библиотека поэзии». Показательно издание в 1993 г. «Цве-

тов зла» в серии «Библиотека студента-словесника». Образ русского Бодлера дополнился новыми красками. Современному российскому читателю стал доступен более широкий круг прозаических произведений Бодлера: его дневники, эссе, литературно-критические статьи.

В современной отечественной научной литературе интерпретация бодлеровского творчества все более сближается с подходами и оценками французских литературоведов. Для французов Бодлер — крупнейший французский поэт, предшественник и прототип «проклятых поэтов», занимающий место между «черным романтизмом» («*l'erotomantisme noir*») поэзией современности («*la modernité*»). Бодлер — «первый современный поэт» и в том смысле, что в его творчестве огромное место занимает рефлексия о литературе [10]. Французское литературоведение акцентирует романтический культ воображения и творческой самобытности в эстетике Бодлера, его «сверхнатурализм» («*surnaturalisme*»), трактуемый как утверждение приоритета искусства над действительностью и всего искусственного над природным, естественным. Бодлеровский сатанизм трактуется как антитеза здравому смыслу и плоскому морализаторству. Особое внимание уделяется гротеску, фантастике и их функционированию в бодлеровской поэзии как средствам создания эффекта новизны, причудливости, странности, без чего для Бодлера нет красоты.

Характерными образцами нового прочтения Бодлера в перестроечную и постперестроечную эпоху стали статьи С. Н. Зенкина, который прежде всего подчеркивает связь Бодлера с культурой романтизма, с ее идеалами личной свободы и духовной неуспокоенности [11]. В отличие от многих своих предшественников, С. Н. Зенкин ставит акцент не на «реализме» Бодлера, а на «мировоззренческом эстетизме» французского поэта, ориентировавшегося не на общественно-политические, нравственные или религиозные ценности, а на чисто эстетические. Отсюда и интерес С. Н. Зенкина к бодлеровскому культу денди как крайнему выражению «элитарных тенденций романтической идеологии». Подчеркивание этого аспекта приводит к затенению других, что характерно для литературоведения постперестроечного периода, следовательно, также имеет отношение не к отдельной позиции литературоведа, а к трансформации культурного тезауруса.

Более емкую трактовку Бодлера находим в содержательной статье Г. К. Косикова «Шарль Бодлер между «восторгом жизни» и «ужасом жизни»» [12]. Но и эта работа, опубликованная в начале кризисных для нашей страны 1990-х годов, несет на себе отпечаток того времени. Любопытно, как «декадентская» эпоха начала 1990-х годов акцентировала уподобительные, болезненные моменты в личности и биографии Бодлера. В своей вступительной статье к

изданию Бодлера в «Библиотеке студента-словесника» Г. К. Косиков сообщает факты, подробно останавливается на обстоятельствах жизни поэта, о которых в иную эпоху не считалось возможным рассказать читателям вполне «взрослого», более того — академического издания «Цветов зла» в серии «Литературные памятники». Г. К. Косиков рассказывает студентам-словесникам о психической травме, нанесенной Бодлеру-ребенку его матерью, через год после смерти мужа вышедшей замуж за майора Опику, о непростых отношениях поэта с несколькими его возлюбленными, о его специфически «мужских» комплексах, об увлечении наркотиками и вином, дает подробное, почти медицинское описание его болезни и обстоятельств смерти поэта. Психологический портрет Бодлера, нарисованный в начале статьи, содержит такие характеристики, как «истерик», «записной пессимист», «сатанист», «маргинал». Зато позиции Бодлера-инсургента во время февральской революции 1848 г., подчеркивавшей прежние годы, в статье Г. К. Косикова посвящен всего один абзац, из которого читатель узнает, что Бодлер был искренне увлечен революцией, но увлечение это было поверхностным, а политические взгляды поэта — «сумбурными».

Для Г. К. Косикова Бодлер прежде всего образчик «несчастливого сознания», разрывающегося между «восторгом жизни» и «ужасом жизни», добром и злом, духом и плотью, Богом и Сатаной. Самое интересное и ценное в статье Г. К. Косикова — это раскрытие сложной диалектики бодлеровской этики и описание того, как она проецируется на эстетику поэта и его «Цветы зла». Отсюда столь лаконичная характеристика его социально-политических взглядов. Г. К. Косиков интересуется главным образом нравственно-философский и эстетический аспекты творчества Бодлера.

В заключение констатируем, что статус Бодлера в отечественном литературоведении остается пока неопределенным. Поэта причисляют то к поздним романтикам, то к реалистам, то к парнасцам, то к символистам или декадентам.

Несмотря на то, что в последнее время фигура Бодлера привлекла внимание издателей и исследователей [13], у нас неизданы и неизучены эпистолярное наследие поэта, значительная часть его прозы, не преодоленным оказывается и «шараханье» из крайности в крайность: от созданного в советскую эпоху мифа о Бодлере-реалисте к постперестроечному мифу о Бодлере-сатанисте и «проклятом поэте». Бодлер ждет своих новых исследователей. Тезаурусный подход [14] поставил вопрос о «русских» зарубежных писателях, то есть тех, кто был освоен или осваивается русским культурным тезаурусом [15]. Исследование «Русского Бодлера» представляется в свете этого подхода очень перспективным.

Литература

- Французские писатели в оценках царской цензуры. Очерки И. Айзенштока. Публикация материалов Л. Полянской и И. Айзенштока // Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 33—34. С. 821.
- Haumont E. La culture française en Russie (1700—1900). P., 1910. P. 478.
- Толстой А. Н. О литературе. М., 1955. С. 265.
- Горький М. Поль Верлен и декаденты // Горький М. О литературе. М., 1955. С. 7.
- Балашов Н. И. Творчество Бодлера // История французской литературы: В 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. II. С. 567—582.
- Бодлер Ш. Цветы зла (Лит. памятники). М., 1970.
- Обломиевский Д. Д. Французский символизм. М., 1973. С. 112.
- Нольман М. А. Шарль Бодлер. Судьба. Эстетика. Стил. М., 1979. С. 50, 308.
- Вот их неполный перечень: Бодлер Ш. Об искусстве / Вст. ст. В. Левика, послесл. В. Мильчиной. М., 1986; Он же. Избранное. М., 1993; Он же. Цветы зла. Стихотворения в прозе. Дневники. Сартр Ж. П.: Бодлер. М., 1993. («Б-ка студента-словесника»); Он же. Цветы зла. Томск, 1993; Он же. Цветы зла. Обломки. Парижский сплин. Искусственный рай. Эссе. Дневники. Статьи об искусстве. М., 1997; Он же. Искусственный рай. М., 1997; Он же. Цветы зла. М., 1998; Он же. Парижский сплин: Стихотворения в прозе. СПб., 1998; Он же. Цветы зла. М., 1998; Он же. Цветы зла. М., 1998. (Домашняя б-ка поэзии); Он же. Цветы зла. СПб., 1999. (Б-ка мировой лит-ры. Малая серия); Он же. Проза. М., 2001; Он же. Проза. Харьков, 2001; Он же. Проза. М., 2001; Он же. Избранное. М., 2002 (Народная поэтическая б-ка); Он же. Цветы зла: Обломки. Парижский сплин. Искусственный рай. Эссе, дневники. Статьи об искусстве. Стихотворения в прозе. М., 2008.
- Histoire de la littérature française / Sous la dir. D. Couty. P., 2000. P. 793.
- Зенкин С. Н. Современность Бодлера // Лит. обозрение. 1987. №6. С. 72—74; Он же. Подпорченный рай // Иностранная литература. 1998. №8; Он же. Генезис текста и история литературы // Новое литературное обозрение. 2000. №41. С. 342—348; и др.
- Косиков Г. К. Шарль Бодлер между «восторгом жизни» и «ужасом жизни» // Бодлер Ш. Цветы зла. Стихотворения в прозе. Дневники. Сартр Ж. П.: Бодлер. М., 1993. С. 5—40.
- Солодовникова Т. Ю. Шарль Бодлер и становление литературно-художественной журналистики Франции (первая половина 19 в.): Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000; работы авторов данной статьи: Трыков В. П. Бодлер // Зарубежные писатели: В 2 ч. М., 2003. Ч. 1. С. 106—108; Луков Вал. А. Шарль Бодлер. «Цветы зла» // Луков Вал. А., Захаров Н. В., Кабдуков В. В. Литература: Практикум: Ч. 1: Зарубежная литература. М., 2006. С. 149—171; Он же. Бодлер в зеркале мнений (тезаурусный анализ критических высказываний о французском поэте в Европе и России) // Тезаурусный анализ мировой культуры: Сб. науч. трудов. Вып. 17. М., 2008. С. 31—39; Луков Вал. А., Трыков В. П. «Русский Бодлер»: тезаурусный подход // Тезаурусный анализ мировой культуры: Сб. науч. трудов. Вып. 19. М., 2009. С. 35—51; и др.
- О тезаурусном подходе см.: Луков Вал. А., Луков Вал. А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М., 2008; Они же. Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. 2004. №1. С. 93—100; Они же. Гуманитарное знание: тезаурусный подход // Вестник Международной Академии Наук (Русская секция). 2006. №1: 69—74; и др.
- В этом ключе уже появились работы, см.: Захаров Н. В. Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ. М., 2008; Ощепков А. Р., Луков Вал. А. Русский Пруст // Тезаурусный анализ мировой культуры: Сб. науч. трудов. Вып. 7. М., 2006: 47—62; Электронный ресурс: информационно-исследовательская база данных «Русский Шекспир» / Под ред. Н. В. Захарова, Б. Н. Гайдина, 2007—2009 // <http://rus-shake.ru/>; и др.